

В рамках научно-теоретического семинара кафедры философии науки и техники

Института философии СПбГУ

«Актуальные проблемы философии науки»

КРУГЛЫЙ СТОЛ

НАУКА – БЫТИЕ ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ ДРУГОГО

25 ДЕКАБРЯ 2017 Г.

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПРОВОДИТСЯ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА, ПОДДЕРЖАННОГО РГНФ (РФФИ ОГОН)
«ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ФИЛОСОФСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ»
(проект № 15-03-00572)

ОСНОВНЫЕ ДОКЛАДЧИКИ:

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ КУПРИЯНОВ

ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА ЧЕБОТАРЕВА

ЛАДА ВЛАДИМИРОВНА ШИПОВАЛОВА

ПАВЕЛ АРКАДЬЕВИЧ БИРГЕР

Ведущая: Л.В. Шиповалова

На круглом столе предлагается продолжить обсуждение проблем экстерналистского (социально-политического, внешнего) и интерналистского (когнитивного, внутреннего) контекстов развития и эффективности научных исследований. В докладах будут представлены три взгляда на научную деятельность в этих контекстах. В первом случае будет показано, что именно внутренний аспект бытия науки должен служить основанием всякой внешней оценки, и является первичным относительно бытия общественного. Во втором случае — эти два способа бытия тесно переплетены и взаимосвязаны. В третьем — демонстрируется ограниченность представления о том, что научное бытие для себя может быть конструктивно противопоставлено бытию для другого.

Во второй части будет представлена итоговая монография «Научная эффективность в работе: инструмент или оружие», в первой главе которой систематически эксплицирована проблема научной эффективности в теоретическом и историческом контексте, а также предложены пути ее решения. Вторая глава конкретизирует действия научного сообщества, направленные на решение проблемы эффективности. В третьей — описываются внутренние критерии научности, которые могут выступать основанием внешних критериев эффективности. В четвертой — рассматриваются два случая научной деятельности Д.И. Менделеева, показательные для нынешних дискуссий о внутренней и внешней эффективности науки, а также о значении репрезентации достигнутых или ожидаемых результатов.

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ¹

В докладе В.А. Куприянова был представлен Телеологический подход к определению эффективности гуманитарной науки²

Современная наука характеризуется достаточно разветвленной системой внутреннего отраслевого деления: академическая – прикладная наука, социальные науки – гуманитарные науки – естествознание – математические науки – технические науки и пр. Более того, по мере развития научной специализации очевидно все большее размежевание научных специализаций, в связи с чем ставится под сомнение ранее общепринятое понимание единства научного разума. Поэтому если классическая и даже неклассическая картина рациональности строилась на признании некоего единого стандарта научности, который принимался ученым безотносительно его специализации, то современная наука предполагает, что каждая группа наук руководствуется своим собственным набором критериев научности, который является *terra incognita* для представителей других наук. В таком случае каждая наука, или группа наук, становится закрытой системой со своей собственной системой ценностей. Данное обстоятельство имеет весьма существенные последствия. Во-первых, принятие факта того, что каждая группа наук обладает своей собственной уникальностью, скрытой от представителей других наук, влечет за собой требование особой институционализации каждой науки. Во-вторых, каждая наука, понимаемая в качестве системы внутренних принципов интеллектуальной активности, должна предполагать не только наличие внутренних принципов как таковых, но и всех тех элементов науки, которые являются производными от принципов научной деятельности: прежде всего к таким принципам относятся понимание эффективности науки и внутренние этические стандарты поведения ученого. Следовательно, каждая группа наук включает в себя не только систему собственных критериев научности, но также и свою собственную систему критериев эффективности. Поэтому в современной философии науки более чем обоснованно говорить о различии систем оценки эффективности науки применительно к каждой отдельной научной специальности.

Соотнесение классификации наук и классификации критериев оценивания эффективности науки кажется более естественным, когда мы говорим о прикладной науке. Действительно, эффективность науки чаще рассматривается в качестве прежде всего экономической категории, показывающей отношение полученного результата к вложенным ресурсам. Так, например, коммерческое предприятие является *эффективным*, если работает с прибылью, причем количество получаемой прибыли в соотношении с затраченными средствами служит основанием для подсчета численного показателя степени эффективности предприятия. Коль скоро прикладная наука по самой своей сути ориентирована на технологическое обеспечение экономики, то она более чем органично встраивается в систему экономического дискурса эффективности. Тогда, как кажется, дискурс эффективности должен ограничиваться лишь сферой прикладных исследований. Однако важно понимать, что такое отношение к понятию эффективности является более чем спорным. Специфика понятия эффективности состоит в том, что оно может применяться к абсолютно любому виду деятельности, по своему определению подразумевающей результативность, которую и следует рассматривать как эффективность. В таком случае наука, будучи определенным и целенаправленным видом деятельности, допускает применение к себе дискурса эффективности даже тогда, когда мы не говорим о ее чисто экономической полезности и не рассматриваем ее сквозь призму получения прибыли. Таким образом, считать эффективность

¹ Авторы тезисов В.А. Куприянов, Е.Э. Чеботарева и Л.В. Шиповалова, П.А. Биргер.

² Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ (РФФИ ОГОН) «Проблема эффективности научных исследований. Философский и исторический контексты» Проект № 15-03-00572.

исключительно экономическим понятием ошибочно. Наоборот, вполне возможно введение критерия эффективности в понятие науки так, что оно не будет нарушать принципа неутилитарности науки, в силу чего дискурс эффективности будет считаться совместимым со стремлением к знанию ради знания, являющимся ключевой особенностью фундаментальной науки. Определить специфику эффективности того или иного вида деятельности возможно, только соотнеся ее с самой деятельностью: эффективность и деятельность являются не просто коррелятивными понятиями, отношение между ними строится таким образом, что второе определяет первое. Следовательно, для понимания специфики эффективности конкретной науки, для определения релевантных способов ее оценки и выстраивания на этом основании конкретной управленческой стратегии необходимо отталкиваться от того, *что* есть эта наука в ее внутренней специфике. В таком случае, становится очевиден выше приведенный тезис о том, что как не существует единых для всех критериев и ценностей научности, так не существует и универсальных критериев эффективности науки и к каждому типу наук следует применять отличный способ понимания эффективности.

Какой вид деятельности является наиболее адекватным гуманитарной науке, чтобы на основании его внутренней специфики определить своеобразие критериев ее эффективности? Определение специфики той или иной деятельности возможно на основании выделения имманентных ей характеристик. Тем не менее, качественная специфика деятельности всегда зависит от того, на *что* она направлена. Следовательно, отправной точкой для определения сути научного познания как вида активности является выявление целей, к достижению которых она стремится. Эта процедура и есть то, что необходимо для верного понимания специфики оценки эффективности той или иной науки, в данном случае гуманитарной. Такой подход к пониманию эффективности можно называть *телеологическим*.

Телеологическое понимание науки является важной особенностью неокантианской традиции философии науки. Опираясь на указанную традицию, можно сказать, что целью гуманитарной науки является выработка *смысла* в широком понимании этого слова. Уточняя понятие смысла, укажем, что смысл, вырабатываемый гуманитарным знанием, непосредственно касается человека и понимания его сущности. По сути, гуманитарная наука нацелена на выработку смысла бытия человека. Причем, сам человек является источником смысла своего бытия, поэтому гуманитарная наука является актом самосознания человека. Это высшая задача гуманитарной науки и ее *raison d'être*. Важно также, что именно так смысл своей науки понимают, или, по крайней мере, некогда понимали, и сами представители гуманитарной науки. Однако их взгляд на эту проблему несколько отличается от версии методологии истории баденского неокантианства. Взгляды великого немецкого историка И. Дройзена являются в этом отношении весьма показательными: Дройзен рассматривал историческую науку как совесть человечества и как его самосознание, в ходе осуществления которого происходит достижение человечеством свободы. Это понимание исторической науки соответствует гегелевской философии истории. Историческое знание в таком случае выступает в качестве органа достижения свободы. В рамках подхода, предлагаемого рассматриваемой научной традицией, достижение самосознания, которое трактуется как свобода, то есть способность действовать в соответствии с требованием разума так, чтобы такое действие выступало также и внутренней потребностью действующего лица, составляет основной смысл человеческого бытия. Такое отношение к этой проблеме для каждого конкретного индивида выражается в выработке его жизненного *мировоззрения*, поэтому конечной субъективной целью гуманитарного знания оказывается формирование мировоззрения, что предполагает, выражаясь кантовским языком, *зрелость способности суждения*. Оценка указанной зрелости способности суждения может служить основной оценки эффективности науки, что с необходимостью включает также и выработку мировоззрения. Именно способность гуманитарной науки производить смысл в указанном значении выступает основанием ее эффективности. Конкретная процедура оценки эффективности такой деятельности необходимо

предполагает оценку того, насколько конкретная научная деятельность, выраженная в публикациях и иных внешних проявлениях научной деятельности, способствует указанной цели гуманитарной науки. Реализация такого способа оценки эффективности предполагает качественный анализ научной деятельности, осуществляемый экспертным сообществом. Поэтому основой оценки эффективности гуманитарной науки является суждение эксперта, опирающееся на взвешиваемое осмысление научной ценности оцениваемого продукта научной активности. В такой системе наукометрические показатели служат важным, но не значимым показателем для оценивания эффективности. Поэтому можно утверждать, что гуманитарная наука принципиально «антинаукометрична», поскольку наукометрия способна фиксировать *лишь внешние проявления* научной деятельности в сфере гуманитарных наук, в то время как реальная результативность творчества в этой сфере доступна лишь человеческой оценке. Собственно, так оценка эффективности и осуществляется в рамках классических процедур научной экспертизы, которые мы встречаем в случае института научного рецензирования, научной аттестации и в случае научного признания, которое выражается в репутации отдельного ученого или целого научного коллектива. Вопрос заключается лишь в организации корректной работы этих социальных институтов. Потому в конечном счете действенность оценки эффективности науки – это вопрос правильной организации данных социальных институтов.

Литература

Куприянов В.А. Реабилитация телеологии в философии баденского неокантианства // *Философия и культура*. 2017. № 11. С.54-68.

Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука, 1997.

Дройзен И. Г. Очерк истории // *Дройзен И. Г.* Историка. СПб.: Владимир Даль; Фонд «Университет», 2004. С. 449-501.

В докладе Е.Э. Чеботаревой и Л.В. Шиповаловой были рассмотрены **Журнальные публикации в контексте проблемы эффективности философии**³.

Определенность современного социального статуса науки связана с ее репрезентацией через наукометрию, а также с использованием этой репрезентации в научной политике. В этом контексте в фокус критических исследований ученых, а также специалистов наук о науке попадают проблемы и ограничения, связанные с применением количественных критериев в оценке научной деятельности.

В первую очередь подобная критика относится к гуманитарным наукам и философии. Аргументы исследователей связаны с рядом обстоятельств. Во-первых, с тем, что гуманитарные исследования традиционно ориентированы на проблематику национальной культуры и именно при рассмотрении соответствующих вопросов первоначально получали свою легитимацию. Для адекватной презентации этих вопросов необходимо использование национального языка. Последнее редко возможно в академических изданиях высокого уровня; кроме того, это не конструктивно, если авторы рассчитывают на цитирование и расширение внимания международного научного сообщества к данным вопросам. Во-вторых, презентация гуманитарных и социальных исследований, за исключением тех случаев, когда они строятся по образцу математического естествознания с использованием языка чисел скорее, чем языка слов, требует скорее развернутых публикаций в форме монографий и сборников, а не статей,

³ Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ (РФФИ ОГОН) «Проблема эффективности научных исследований. Философский и исторический контексты» Проект № 15-03-00572.

ограниченном объеме и требованиями соответствующего академического письма. Однако публикации такого формата не всегда оказываются в базах данных, что также затрудняет их содержательное обсуждение и формальное признание.

В целом, такие проблемы статуса гуманитарных наук связаны как минимум с двумя порядками противоречивых требований или конфликтом между существенными характеристиками задач гуманитарных наук и требованиями современности. Первый порядок следует охарактеризовать как конфликт национального и глобального: внимание к проблемам национальной культуры сталкивается с необходимостью вхождения с этими проблемами в международное научное сообщество. Второй порядок можно истолковать как конфликт позитивных и критических исследований. Научная результативность, выражаемая узко профессиональным языком или языком экономической эффективности, противостоит рефлексивным гуманитарным исследованиям со свойственной им позиций социально-политической и теоретической критики. Причем в пространство этой критики попадают порой сами научные исследования.

В докладе репрезентируется первое противоречие – национального и глобального, а также демонстрируются попытки его разрешения, проявляющиеся в характере соответствующих публикаций и более или менее явно выраженной журнальной политике. При этом в стороне остаются те ситуации, когда это противоречие «разрешается» путем его игнорирования: отсутствие обсуждения национальной проблематики в интернациональных журналах и, в качестве оборотной стороны, наличие журналов на национальных языках, принципиально не имеющих целью содержательное вхождение в международную научную коммуникацию. Речь идет о публикациях в области философских дисциплин.

В докладе представлен анализ ряда философских публикаций в журналах, с одной стороны, репрезентирующих проблематику национальной или региональной философии и, с другой, ориентированных на интернациональную значимость этих публикаций. В результате анализа обнаруживаются несколько коммуникативных стратегий, которые задействуются для того, чтобы совместить эти две стороны. Среди таких стратегий, во-первых, ответ на вопрос о месте национальных проблем в международном контексте; во-вторых, проведение сравнительного анализа различных (локальных) подходов к решению той или иной проблемы, имеющей всеобщий характер; в-третьих, обсуждение конкретного взаимодействия, в том числе рецепции, исследовательских фокусов. Конкретно рассматриваются два случая: 1) выпуск журнала *Social Epistemology*, 2017. Vol. 31. Iss. 1, *Russian Philosophy of Science*. 2) исследования, представленные в номере журнала *Studies in East European Thought*. 2014, Vol. 66 Issue 3/4, в которых современные отечественные философы проводят анализ условий развития советской и российской философии, сравнивая и противопоставляя ее восточной и западной традиции. Так представленные коммуникативные стратегии могут быть названы техническими, поскольку они не предполагают собственной проблематизации и могут быть использованы в качестве правил деятельности теми, кто заинтересован в научной коммуникации, выходящей за рамки национального языка и культуры. В ходе анализа обосновывается гипотеза о том, что как таковых международных тематик и проблем, по отношению к которым выстраивает свою определенность конкретная (региональная) философская школа, не существует. Статус интернациональности формируется в диалоге различных языков, методологических подходов, исследовательских интересов.

В основании технических коммуникативных стратегий, выражающихся в публикационной активности, лежит философским образом истолкованный диалог. Его концептуализацию осуществляют те современные авторитеты в философской традиции, для которых коммуникация оказывается концептом проблематичным и практики поиска согласия осуществляются в отсутствии единого основания, способного выступать в качестве условия возможности разговора. (Н. Луман, Ж. Рансьер, Ж.-Ф. Лиотар). Речь идет о диалоге, условия которого не предположены, но

актуализируются или создаются в самом жесте общения. Прояснение этих условий представляет собой существо философской работы.

Таким образом, можно говорить о двух уровнях эффекта, производимого философскими исследованиями. Первый — работа над приданием всеобщей значимости конкретному — национальным культурным ценностям и интересам. Этот возможный эффект философия разделяет с другими гуманитарными дисциплинами. Второй — собственно философский эффект — работа с концептами и обоснование возможности первого уровня. Эта работа возобновляется в конкретных условиях современности, и ее совершение является условием того, что коммуникативные стратегии, обнаруживающиеся в публикационной активности, могут быть рассмотрены не просто как технические правила, но как научные нормы и ценности.

В докладе П.А. Биргера «Профессионализм vs популяризация: двуликий Янус научной деятельности?»⁴ была рассмотрена популяризация в контексте проблемы научной эффективности.

Цели современной научной политики включают по преимуществу ориентацию Академии на ее репрезентацию в международном интеллектуальном пространстве. Это относится как к научной, так и к образовательной деятельности и особенно актуально для государств постсоветского пространства и Восточной Европы, которые во второй половине XX века в силу идеологических обстоятельств были из этого пространства отчасти исключены. Однако эта тенденция, предполагающая власть глобального капиталистического реализма (М. Фишер), приносящая ему в жертву интересы национальных культур и проблематику гуманитарных исследований, охватывает все страны (Б. Ридингс, М. Нуссбаум). Существуют ли силы или действия, способные ей противостоять?

Представляется, что в этом контексте особое значение имеет деятельность по популяризации научных исследований, а также публичная научная коммуникация, которая в последние годы оказывается в центре внимания представителей STS и исторических исследований науки. Деятельность по созданию образа науки в общественном сознании, причем в первую очередь в контексте конкретного государства, может не только служить формированию и укреплению национального самосознания, но и способствовать изменению отношения политической элиты и научного менеджмента к Академии, ее реальным проблемам и многообразию исследований.

Может создаться впечатление, что такого рода активность является чем-то выходящим за рамки профессиональной науки как таковой и должна быть отдана на откуп, например, журналистам, агентам научной коммуникации и самому менеджменту, владеющему технологиями общественной репрезентации и практиками перевода профессионального языка науки на язык повседневности. Однако это не совсем так. Реалии современных научных исследований таковы, что в них с необходимостью включаются так называемые дилетанты (Lay Participants), а также те, кто владеет традиционным знанием (Indigenous Knowledge). То есть для современной науки «внутренний», профессиональный контекст не является радикально противостоящим «внешнему» публичному контексту, как на уровне самих исследовательских практик, так и на уровне их репрезентации.

Следует выделить несколько стратегий популяризации научного знания, которые не противостоят его профессионализации, но конструктивно дополняют ее. Во-первых, общеизвестна критика так

⁴ Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ (РФФИ ОГОН) «Проблема эффективности научных исследований. Философский и исторический контексты» Проект № 15-03-00572.

называемого доминирующего взгляда на популяризацию, согласно которому эта деятельность направлена «сверху вниз», от эксперта к дилетанту. Такая критика становится особо актуальной в контексте современного общества неопределенности, когда приобретает значение экспертные заключения публики, непосредственно переживающей обсуждаемые события и претерпевающей их эффект, владеющей локальным знанием ситуации. Речь в этом случае идет в первую очередь о техногенных катастрофах, а также о неоднозначном влиянии науки и антропогенного фактора в целом на общественное благосостояние и качество жизни. Популяризация при этом может стать способом повышения доверия к научным исследованиям, их результатам и основаниям. Во-вторых, конкретизацией доминантного и неиерархического взглядов на популяризацию могут быть стратегии популяризации результатов и проблем. Первая знакомит публику с научными открытиями, с завершенным научным знанием. Вторая – с процессами его производства, с актуальными вопросами, стоящими перед наукой сегодня, с научными спорами и разногласиями. Эти стратегии также можно соотнести с различными акцентами на критериях научности. В первом случае – верифицируемости, во втором – фальсифицируемости. В контексте противостояния этих двух стратегий, а также значимости и пока недостаточного признания второй показателем случай общественной дискуссии, развернувшейся вокруг лекции В. Вахштайна. «Популяризация науки от просвещения к мракобесию». https://www.youtube.com/watch?v=2I_SN0pp5cU. Реакции на лекцию представлены в тексте В. Вахштайна «Экспериментальное осквернение» <https://news.rambler.ru/other/38664206-eksperimentalnoe-oskvernenie/>.

Следует подчеркнуть, что ориентация на вторую крупную стратегий может не только способствовать решению проблемы научной эффективности: повышению публичного доверия к результатам исследований и их основаниям, формированию требования или ожидания эффекта, отвечающего собственным тенденциям развития науки, учету критериев оценки эффективности, связанных с собственными представлениями ученых о репрезентации их исследований. Открытость научного исследования в практиках популяризации также играет немаловажную роль в процессах развития самой науки (внутренняя эффективность). Распространение попперовского принципа фальсифицируемости - критики и обсуждений - до общества в целом может способствовать формированию консолидированного, компетентного и авторитетного научного сообщества, способного к аргументированному определению содержания и качественных критериев оценки результатов собственной работы, а также к их демонстрации и открытому обоснованию для всего общества.

Литература

1. Felt, U. 2000. Why Should the Public 'Understand' Science? A Historical Perspective on Aspects on the Public Understanding of Science. // *Between Understanding and Trust: The Public, Science and Technology*, edited by Meinolf Dierkes and Claudia von Grothe, 7–38. Amsterdam: Harwood Academic Publishing
2. Govoni, P. 2008. The Historiography of Science Popularisation: Reflections Inspired by the Italian Case. // *Popularizing Science and Technology in the European Periphery, 1800–2000*, edited by Faidra Papanelopoupou, Agust'ı Nieto-Galan, and Enrique Perdriguero, 21–42. Aldershot: Ashgate.
3. Hilgartner, S. 1990. The Dominant View of Popularization: Conceptual Problems, Political Uses. // *Social Studies of Science* 20:519–539
4. Ludwig, D. 2016, Overlapping ontologies and Indigenous knowledge. From integration to ontological self-determination. // *Studies in History and Philosophy of Science*”, 59: 36-45
5. Vetter, J. 2011, Introduction: Lay Participation in the History of Scientific Observation. // *Science in Context*, 24 (2): 127-141